

Известия. — 1992. — 31 авг. — С. 1. Два вечера с Александром Солженицыным

Георгий МЕЛИКЯНЦ, «Известия»

Кинорежиссер Станислав Говорухин завершил свой новый документальный фильм «Александр Солженицын».

Фильм будет показан 2 и 3 сентября по первой программе телевидения. В нем впервые представлены на экране документы, фотоснимки, относящиеся к годам жизни Солженицына на Родине. Но большая часть ленты — интервью самого Александра Исаевича. Его мысли, голос, его боль...

Почти два десятилетия с тех пор, как Александр Солженицын не по своей воле переселился в американский штат Вермонт, он не принимал в своем новом доме журналистов и кинематографистов из России. Хотя однажды, в 1983 году, в «год Андропова», он даже ответил утвердительно на вопрос о возможности возвращения на Родину. Александр Исаевич предсказывал наступление таких

времен, когда Россия станет свободной и туда вернутся не только его книги, изъятые из всех библиотек, но вернется и он сам («физически» — подчеркнул он).

Ныне книги Солженицына у нас изданы огромными тиражами. Пришла к нам и его горячая публицистика. Россия стала, во всяком случае, другой, и руководитель «Останкино» Егор Яковлев попросил писателя

встретиться с соотечественниками теперь уже напрямую — пока с экрана. Александр Исаевич пообещал, и, принимая у себя С. Говорухина, фильм которого «Так жить нельзя» ему понравился, согласился побеседовать перед кинокамерой.

Круг тем, затронутых в этой беседе, настолько широк, что остается удивляться, как человек, живущий в немыслимом отдалении от родных мест, посвящающий все время без остатка творчеству, так хорошо знает и так остро чувствует происходящее на Родине. Художник и исследователь, он взвешивает сегодняшние наши заботы и тревоги на суровых весах русской истории.

Так, Солженицын убежденно утверждает в самом начале раз-

говора: высшая государственная мудрость — направлять все усилия государства и общества прежде всего на благоустройство жизни своего народа. У нас же и в XVIII веке, и в XIX был явный перевес усилий вне своей страны. Солженицын высказывает мысль, не привычную нашему хрестоматийному сознанию: да, Россия выиграла в XVIII столетии Семилетнюю войну, а зачем? Что принесла эта победа народу, кроме тысяч и тысяч погибших кормильцев и сеятелей? Огромных потерь стоила России и роль защитницы западного славянства. Сумасбродная идея постоянно вмешиваться в чужую жизнь, выступать на чьей-то стороне, обо-

(Окончание на 3-й стр.).

Два вечера с Александром Солженицыным

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

шла особенно дорого в нынешнем столетии.

Россию слишком долго приучали не думать о себе. Русская сила выкачивалась без надобности. Страна запаздывала с нормальным развитием. Даже освобождение от крепостного права не было соответствующим образом воспринято крестьянством — для него это был неожиданный взрыв. Как и февраль 1917-го: народ не был подготовлен к демократии. Восемь месяцев тогда и семь лет сейчас очень похожи. Но когда я сказал об этом, меня стали костерить и там, и тут. Договорились до того, будто я враг демократии. Я же противник не демократии, а того, как бы бетонные обломки коммунизма, приговоренного к разрушению, не придавили бы заодно нас всех.

Что такое демократия вообще? — спрашивает Александр Исаевич. — Власть народа? Согласен. Но при условии, что это власть именно народа, причем всего народа, — и того, что живет в глубинке, на огромных просторах страны, а не того котла, который кипит в столице

и напичкан политиками. Такая власть должна иметь другую систему чувств. Ныне же мы переживаем этап крушения коммунизма, когда рухнули его верхние этажи, а среднее звено живет-поживает, прибирая к рукам все вокруг. У власти множество тех же людей, только таблички сменили. А из вновь пришедших большинство — акулы финансового мира, ничего не создающие, но зорко стерегущие добычу. Если два этих хищника объединятся — ждите неприятностей не на 70 лет, а на все 170. К тому же сохранилась вся мощь КГБ, ныне проявляющегося в разных обличьях. И все это слегка прикрыто слабым облачком демократии. По мнению Солженицына, сегодня в России образовался блок номенклатуры, финансовых воротил, КГБ и лжедемократов.

Убеден, продолжает Солженицын, что погибнет та страна, где одинаково ругательными стали слова демократ и патриот. Те и другие грызутся вместо того, чтобы сообща штурмовать коммунизм. Противостояние демократов и патриотов естественно, пора его прекра-

щать, оно ослабляет демократию.

Далее Александр Исаевич говорит о единственно приемлемой для него идеологии — жить по совести. Это высший принцип, способный вывести всех одинаково на прямую и честную дорогу. Однако освоение такого миропонимания проходит свой долгий и трудный путь. И здесь Солженицын бросает горький упрек журналистам, напоминая о недавней шумной кампании в прессе вокруг прошлых связей с КГБ высших иерархов Русской православной церкви. Вынужденное это явление действительно имело место. Но почему, спрашивает Солженицын, журналисты не начали с себя? В пылу разоблачений никогда не вредно оборотиться на себя, дабы послужить не конъюнктуре, а совести, которая не терпит лицемерия и в свою очередь разоблачает его.

Как видим, суждения Солженицына резкие, суровые. В нашей политизированной, а точнее, поларизованной жизни мы привычно задаемся в таких случаях вопросом: а с кем этот человек? Как будто мало нам, что такой вопрос уже сыграл свою

роль в прошлом. И все же... Из того, что мы видим и слышим в фильме, ответ один: великий писатель России не с «теми» и не с «этими», он не за «демократов» и не против «патриотов». Он с Россией, кажется даже, что он никогда и не уезжал из нее.

В этом убеждают и его мысли, и вся его жизнь вдали от России в такой же, как в России, лесной глубинке, в атмосфере русского языка, русского быта, русских примет. Его семья — русская до каждого вздоха, и достойно благодарности, что, оторванный от Родины, он вырастил своих детей русскими, в постоянном ожидании предстоящей встречи с Родиной.

Говорухин деликатно, но достаточно подробно показывает жизнь этой семьи, ставшей душевным пристанищем для одного из самых горьких изгнанников на протяжении всей истории России. У Солженицына четверо сыновей — Дмитрий, Ермолай, Игнат и Степа. В усадьбе площадью 25 акров нет ни охраны, ни горничной, ни шофера, ни садовника. Хозяйство ведут две женщины — жена Наталья и ее мама Екатерина Фердинандовна. Наталья Дмитриевна еще и пресс-секретарь писателя, и корректор в издательстве Солженицыных, в котором работают только члены семьи (младший, Степан, уже в девять лет стал набирать книги отца).

Приятная забота семьи и, кстати, семьи их друзей Ростроповичей, — 20-летний Игнат, успешно концертирующий пианист. Одно время с ним занимался сам Мстислав Леопольдо-

вич. Музыкальное сопровождение в фильме, к слову, принадлежит Игнату: звучат в его исполнении Бетховен, Брамс и Рахманинов.

Наше гостевание у Солженицыных, как несколько старомодно, но с глубоким смыслом выразился Говорухин, дарит дорогие и, смею сказать, втайне давно ожидавшиеся впечатления. Рабочий кабинет писателя с фильмоскопом, позволяющим читать больше и скорее, чем вообще доступно человеку. Библиотека. Домашняя часовня. Гуляем, как у нас сказали бы, по участку: густой лес, небольшой, но вместительный дом. Ближние окрестности: в этом магазинчике Солженицыны покупают провизию... Хозяева — люди современные: компьютеры, автомобили, телесторож у входа. Александр Исаевич считает необходимым идти в ногу с веком, но не терпит «обезьянничанья»: когда у Запада берут что подешевле — и по деньгам дешевка, и по сути. Неприятно ему и обезьянничанье в языке, он с издевкой говорит об «истеблишменте», «консенсусе», «мэрии»...

В своих размышлениях Солженицын возвращается к высказывавшейся им идее неразрывности России, Украины, Белоруссии и Казахстана. Он подчеркивает историческую неизбежность их единства, допуская отделение от СНГ, например, Средней Азии. Будущее покажет, реалистичны ли его прогнозы. Но одно справедливо точно: он говорит о явлении, которое называет малым имперским мышлением. Лидеры иных наций счи-

тают, что они отделиться от СНГ, а в просторечье от России, могут, от них же отделяться не позволено никому. В итоге Приднестровье, Карабах, Южная Осетия, Абхазия...

Не боюсь повториться: Солженицын — одна из ярчайших личностей столетия, кинорассказ Говорухина не столько напоминает о Солженицыне старшему и среднему поколению, сколько открывает его поколению молодому, не присутствовавшему при тяжком позоре изгнания с родной земли ее, может быть, лучшего гражданина. Всего несколько минут уделено его драматической судьбе — сироты, выбившегося в сталинские стипендиаты, потом ээка номер Щ252, затем человека, обреченного смертельной болезнью, чудом исцелившегося, писателя, «чуть» не ставшего ленинским лауреатом и буквально на следующий день преданного анафеме... Система, однако, не поспела расправиться с ним и, к счастью, теперь уже недалеко время, когда он продолжит свое подвижническое писательское служение на Земле, уготованной ему Богом.

Фильм «Александр Солженицын» снят студией документальных телефильмов творческого объединения «Экран» при участии Общественного фонда ученых и членов их семей. Оператором у Станислава Говорухина был Юрий Прокофьев. Им помогла небольшая киногруппа (фамилии телезрители прочтут в титрах).

Итак, предстоит два вечера с Солженицыным...